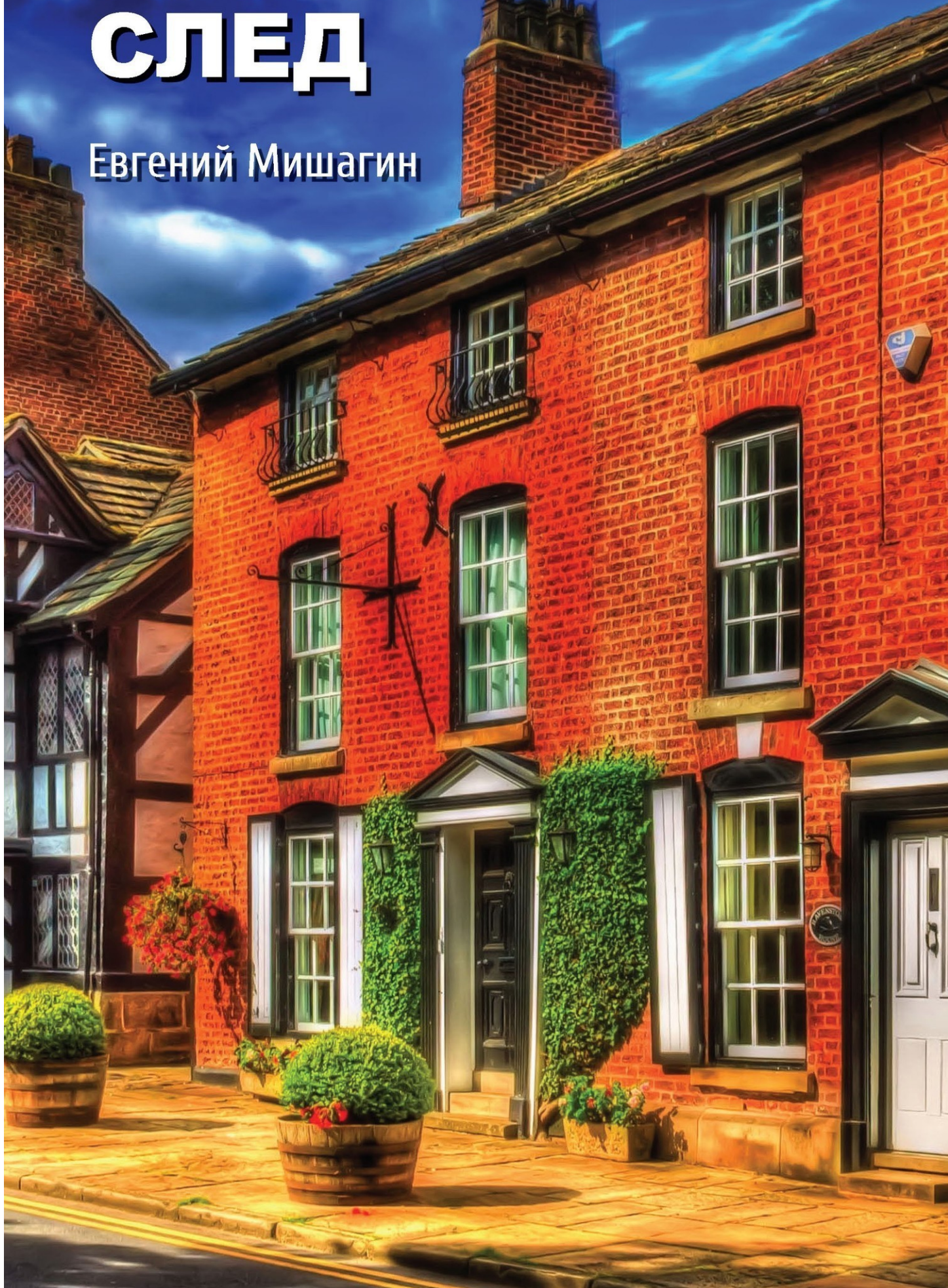

АНГЛИЙСКИЙ СЛЕД

Евгений Мишагин

Евгений Мишагин

**Английский след. Детектив
с элементами иронии
и любовного романа**

«Издательство «Перо»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мишагин Е. И.

Английский след. Детектив с элементами иронии и любовного романа / Е. И. Мишагин — «Издательство «Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-679-6

«Стюардесса с тележкой медленно пробиралась по узкому проходу салона, обслуживая пассажиров; она непринужденно с ними беседовала, некоторые заметно хотели занять ее время больше, чем им было положено по стоимости билета. Теперь-то Саша Кошкин будет знать, что регистрацию на самолет нужно проходить как можно раньше, чтобы получить местечко в посадочном талоне поближе к креслу стюардессы, а то он, по своей неопытности, не торопился, перед полетом сидел в буфете и разминался красным вином...»

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-679-6

© Мишагин Е. И., 2018

© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Мишагин

Английский след

© Мишагин Е., 2018

* * *

Глава 1

Стюардесса с тележкой медленно пробиралась по узкому проходу салона, обслуживая пассажиров; она непринужденно с ними беседовала, некоторые заметно хотели занять ее время больше, чем им было положено по стоимости билета. Теперь-то Саша Кошкин будет знать, что регистрацию на самолет нужно проходить как можно раньше, чтобы получить местечко в посадочном талоне поближе к креслу стюардессы, а то он, по своей неопытности, не торопился, перед полетом сидел в буфете и разминался красным вином. Нет, вы не подумайте, что Саша Кошкин любитель выпить, – по крайней мере, раньше за ним этого никогда не наблюдалось. Просто молодой человек, можно сказать, первый раз вырвался на свободу. В его биографии были только школа со строгими учителями да университет под контролем родителей и любящей его тети Маши. А тут первая самостоятельная командировка, и куда бы вы думали? – правильно, в Европу, и даже в Великобританию. Так как же по этому поводу взрослому свободному человеку не пойти в аэропорту в буфет!

Ну вот, наконец-то приятная улыбка симпатичной девушки принадлежит и Саше, а то он уж начал переживать, сомневаться, хватит ли у стюардессы запаса внутренней нежности и для него тоже. Фирменная разноцветная косыночка на шее девушки разделяла белизну блузки и ее прямые, ровно подстриженные, чуть касающиеся лопаточек ярко-пшеничные волосы. Особенно на этом бело-желтом фоне отчетливо сияли ее голубые, как чистое небо, в которое они вместе с ней только что устремились, глазки. Ее орлиный знак, широко расставив крылья, величественно восседал на одной из двух вершин; тихо колыхался, когда она, наклонившись, прошептала блестящими, перламутровыми, бледно-розовыми губками:

– Что вы будете пить?

Саше показалось (и, уверяю вас, небезосновательно), что ее улыбка для него была более чувственная, нежели для других пассажиров. Он наблюдал за девушкой все время полета – разумеется, в промежутках между изучением иностранного языка.

– Только шотландское виски и, пожалуйста, безо льда, – важно ответил Саша стюардессе – он все-таки летит в Великобританию, это же нужно понимать.

Сам факт возможности за счет фирмы поехать в загранкомандировку для молодого юриста Александра Васильевича Кошкина, работающего помощником у руководителя частного адвокатского агентства, безусловно, был большой радостью, и в осознании этого все последние дни он пребывал в повышенном настроении. Но эти же обстоятельства и заставляли его незапланированно раскошелиться на новые ботинки и хорошую сумку с ремнем через плечо. Купить сумку было куда легче, нежели ботинки. Кто знает, какие сейчас в Англии носят ботинки? Проблема была вся в том, что Саша не мог определиться в стиле модели или хотя бы с формой носа пресловутых ботинок. Ему хотелось что-то посовременнее, но он много раз слышал, что в большинстве своем англичане консервативные люди, и он не хотел среди них сильно выделяться своей экстравагантностью. Вот поэтому он и купил классические черные ботинки в стиле «инспектор». Еще одна проблема – он не знал английского языка, так как в школе и в университете изучал немецкий. Он собирался изучать и английский, но все как-то не доходило руки, а тут неожиданно свалилась на него эта поездка, так и пришлось срочно покупать разговорник-справочник. Многие необходимые словечки в справочнике нашлись. Как показалось Саше, наиболее часто встречающиеся в обиходе слова, он умудрился даже заучить, теперь можно было немного и отдохнуть, оглядеться по сторонам. Он попивал виски, оно слегка обжигало его внутренности, бодрило, подталкивало к легкому куражу. Чуть выставив ногу в проход, он носком ботинка «инспектор» прихлопывал по полу и тихо напевал песенку со словами, соответствующими данной обстановке:

– «Стюардесса по имени Жанна!..»

Можно сказать, Саша ощущал себя со всех сторон комфортно и естественно, ему не терпелось своими эмоциями хотя бы мысленно поделиться со своим университетским дружкой Уткиным. К сожалению, перед отъездом Саша так замотался, как казалось ему самому, что у него не нашлось даже времени встретиться с Уткиным и похвалиться предстоящей заграничной командировкой.

«Прикинь, Уткин, – начал мысленный разговор Саша с приятелем, – я, и качу вдруг в Англию. Пусть пока не по таким уж особо важным делам, ну там, знаешь, по изменению участников в уставе, завещание нужно состряпать, да еще какие-то бумаги подписать, ты меня понимаешь. А может быть, совсем в ближайшее время я уже поеду для юридического сопровождения сделки, оформит правильно по международным стандартам контракт. Прикинь, Уткин, вытянутую физиономию нашей Лангусты-Элеоноры, когда она узнает, что я в международной юриспруденции секу не хуже, чем она сама. Она мне на семинарах всегда пела: «Вы, Кошкин, юристом-международником никогда не будете, и в дипломе по моему предмету у вас будет три». Ха-ха! Это вы, Элеонора Иннокентьевна, всю жизнь преподаете Международное право, а сами по делам за границу ни разу и не выезжали, разве только по профсоюзной путевке в страны Социалистического содружества».

– «Стюардесса по имени Жанна!..» – других слов из этой песни Саша, к сожалению, не помнил.

Из-за спинки среднего кресла предыдущего ряда, поворачивая голову, на него недовольно покосился мужчина в очках. Понятное дело, что Саша не был певцом и пел в меру своих способностей и принятой дозы виски, но не настолько же плохо, чтобы из-за этого интеллигентному на вид человеку так недовольно коситься.

Прощаясь у трапа со стюардессой, молодой человек среднего роста, а с учетом каблуков новых ботинок, можно сказать, и выше среднего, благодарил ее за прекрасное обслуживание в полете и выражал надежду на обратный рейс попасть лететь непременно только с ней. На ветру у Саши развевались коротко стриженные русые волосы; смазливый красавцем он не казался, но одной своей улыбкой мог очаровать многих девушек.

– Вот она, старая, добрая Англия, – сказал Саша, плюхнувшись посередине заднего сиденья в черной машине такси, сделанной в стиле ретро – первой половины двадцатого века. Слева впереди сиденье отсутствовало – наверное, так задумал конструктор. Он бросил туда свою сумку. А справа водитель, словно арестант, но в форменной кепке и с улыбочкой, выглядывал из-за решетки, огораживающей его от салона пассажира.

– Сэр, погнали, малек прокатимся по Лондону! – скомандовал Саша таксисту, особо не задумываясь, как тот его понял.

Чтобы шиковать, больших денег у Саши, естественно, с собой не было. Откуда им взяться: работал он после окончания университета всего второй год, своих скопить еще не успел, а занимать у родителей он не хотел, да и не было у них столько, чтобы можно было занимать на заграничные поездки. Естественно, родители предлагали ему деньги взять, сколько у них было, но он отказался. Игорь Аркадьевич Молевский, это шеф адвокатского агентства, в целом человеком был неплохим, но, отправляя Сашу в заграничную командировку и отсчитывая деньги на расходы, прочел ему целую лекцию, как наш гражданин должен скромно вести себя в другой стране. Вспомнил он и свою первую заграничную командировку в Польшу, как возил с собой в чемодане консервы для пропитания, советовал так поступать и Саше.

Экскурсия на такси в предвиденные расходы нашего героя, естественно, не входила, но, уважаемый читатель, первый раз пересечь таможенные барьеры и не увидеть во всей красоте Лондона он, конечно же, не мог.

– О, привет двухэтажный красный автобус! А вот «цитадель демократии» – здание парламента и «Биг-Бен» – большие часы на высокой башне, – помахивая ручкой, Саша вслух узнавал Лондон, зная его по картинкам. – А это район богатых людей: красивые невысокие

дома, на некоторых на калитке вывешены таблички с цифрами в фунтах – продаются. Ага, появились и шикарные магазины на Бонд Стрит, жаль «копья» маловато, а то бы прогулялся с часок-другой, подобрал себе прикид неслабый.

Но куда-то не зайти и не попробовать настоящее виски уж этого позволить себе Саша не мог точно. В общем, с барменом на английском языке он общался уже запросто: «Сэр, скотч-виски Чивес Ригал, 16–18 лет выдержки» – и тот его прекрасно понимал.

Но, как мы знаем, приехал Кошкин не по туристической путевке, а для встречи с клиентом их адвокатского агентства Денисом Максимовичем Кондратьевым, владельцем контрольного пакета акций одного из московских банков, ряда торгово-посреднических фирм с магазинами и логистикой и пары ресторанов с разной мировой кухней. По некоторым сложившимся обстоятельствам Денис Максимович был вынужден проживать за рубежом. Об этом Саша не забывал ни на минуту, и после бара он сразу же отправился на вокзал. Ехать ему нужно было по направлению к побережью Ирландского моря, выходить где-то между городами Кру и Честер, только еще в сторону к Ливерпулю, в глубинку средней Англии, где, предположительно, и должен проживать – видимо тихой, консервативной жизнью – их клиент. Саша прекрасно понимал: быть рядом с Ливерпулем и не побывать в нем, чтобы самому не прикоснуться к подвальным кирпичным стенам музея, откуда группа «Битлз» и начинала свое легендарное восхождение, обидно, но дело, друзья, прежде всего...

Однако странно: Кошкин звонил на мобильный телефон клиенту раза три за день и никто не отзывался. У него был и адрес, но он не хотел ехать в эту глубинку, пока не дозвонится, но принятое им виски легко помогало принимать новые решения: «Пока доберусь, объявится и Максимыч, а я тут как тут с приветом из Москвы».

До нужного района добрался он без приключений. Переходя шоссе, которое в отражении фар проезжающих машин светилось по краям как расставленные маленькие свечки из за вмонтированных в асфальт хрустальных кристалликов, он по привычке смотрел в одну сторону, а машины неслись с другой стороны. Тут Саша понял, почему так происходит. Не оттого, что он много принял горячительного напитка, а потому что он просто находится в Англии, где левостороннее движение транспорта. Он удачно пересек это сложное шоссе и свернул на узкую дорожку, как ему и объясняли найти нужное местечко. Вокруг темнота, но под ногами все равно чувствовалась твердая насыпь, где-то вдали был слышен лай собаки, и в той же стороне виднелись огоньки жилища. Обижаться на моросивший дождь на берегах туманного Альбиона было просто глупо, поэтому, пока Кошкин добирался пешком, он успел промокнуть, но, несмотря на это, ощущал себя в норме. Больше того, он чувствовал себя счастливым человеком. Чужая страна, темнота, а Сашка Кошкин шагает себе в неизвестность, здорово! Ни малейшего страха, только радость от неизвестности и таинственности.

– Все будет путем. Окей!

А вот и домик появился, а в окнах на первом этаже даже горит свет. «Значит, Максимыч на месте, и правильно я принял решение поехать без звонка. Игорь Аркадьевич тоже будет меня хвалить», – сделал вывод Саша.

Дом был двухэтажный, краевые углы мощной, черепичной крыши переходили в широкие высокие кирпичные трубы. Посередине дома выдвинутое крыльцо, слева и справа от него по два окна, а на втором этаже в ряд выстроились пять окон. Чувствовалась в этом доме этакая английская основательность и старина. Рядом были еще какие-то постройки типа сараев, но все добротные, из кирпича. Между ними рос широкий старый дуб или что-то в этом роде – в темноте и не разберешь; разбросал он свои вековые ветки в разные стороны, а у подножья его приставлено большое, деревянное колесо от телеги. То ли это для декора, то ли люди здесь до сих пор ездят на лошади в упряжке?.. Огляделся: тишина, морозящая тьма. Да, пора и побеспокоить жильцов.

– Тук, тук, кто в этом доме живет?! – громко сказал Саша, постучав в дверь, и вспомнил, что он уже не в России; изменив язык, еще раз крикнул: – Хэлло, мистер!

За дверью отозвался женский голос и, к удивлению, спросил тоже по-русски:

– Вам кого?

Какая радость услышать родную речь среди этих зеленых холмов с вечно пасущимися стадами овец.

– Я из Москвы, юрист Кошкин, приехал к мистеру Кондратьеву по поручению господина Молевского! – важно доложил Саша женскому голосу.

Дверь открылась, и Кошкин увидел перед собой молодую красивую брюнетку.

– Ксения, – представилась она.

– Саша, – неожиданно для самого себя тихо представился; глядя уже ей в глаза, он тут же поправился: – Александр Кошкин.

– Денис Максимович в отъезде, завтра я позвоню ему и сообщу о вашем приезде, – сказала Ксения.

– Я звонил ему сегодня несколько раз на мобильный телефон, но никто не отвечал.

– Да, у него временно отключен номер, – ответила Ксения. – Александр, вы в каком отеле остановились?

– Э-э, пока ни в каком. Не знаю, право, как и быть? Как найдет меня Денис Максимович? А в каком городе ближайший отель?

– Здесь можно и на фермах останавливаться, они тоже оказывают услуги отеля примерно в две-три звезды. Этого вполне достаточно, чтобы переночевать.

– Правда? Вот как здорово, – обрадовался Саша и тут же сник, вспомнил, что денег у него осталось совсем мало, но тем не менее стал продвигаться к выходу.

– Александр, куда вы пойдете в такую темень снимать отель.

Наши фермеры все уже спят.

– Да и с языком у меня не все в порядке, трудно с ними будет изъясняться.

– Тем более оставайтесь. Раздевайтесь, вы весь, по-моему, промокли.

– Есть немножко.

Он снял с себя верхнюю одежду.

– Снимайте и рубашку, она у вас на спине тоже мокрая, я дам вам халат.

– Спасибо.

«Вот повезло мне, добрая хозяйка, а красивая какая. Понятное дело, Максимыч крутой мужик, у таких, как он, и женщины бывают тоже особенные. Обычно в кино в роли молодых жен или любовниц богатых людей именно таких и показывают, значит, все из жизни берется».

Ксения разжигала камин, стоя к Саше спиной, наклоняясь на прямых ногах. Она была одета в бежевые обтягивающие брюки со стрелками. Смотрелась великолепно, как статуя, сотворенная скульптором без верхней части тела, зато нижняя часть так хорошо получилась, подчеркивались все тонкости деталей... Ксения поменяла позицию, присела, теперь было все наоборот: спина в разноцветном шерстяном свитере и роскошные темные волосы.

«Обалдеть можно, – Саша старался об этом даже и не думать, гнал от себя все дурные мысли. Больше того, он ругал себя за это: – Подумать только, меня приютила добрая хозяйка, а я, неблагодарный, бросился фантазировать, бессовестный элемент, больше нечего сказать...»

Вспыхнул огонь, все предметы вокруг заиграли по-особенному, стало уютно, комната наполнилась чем-то необъяснимым, близким и родным. Хозяйка предложила гостю с дороги виски и бутерброды. Саша сидел в кресле-качалке возле камина в махровом халате с накинутым на плечи пледом из шотландской шерсти. На ногах мягкие, теплые тапочки. Он смотрел в торцевое окно, доходившее до самого пола, а с той стороны стремилась в стекло высокая, сочная, зеленая трава. Казалось, как будто ты находишься на улице, а от огня и виски со всех сторон греет; появившийся было насморк уже успел исчезнуть.

Ксения села в кресло напротив гостя и спросила:

– Как дела в России?

Саше, безусловно, перед такой хозяйкой захотелось сумничать, повторить известное на этот счет высказывание, но он сдержался и ответил своими словами:

– Все нормально, развиваемся в духе реформ, в правильном, так сказать, направлении. А вы, Ксения, давно уехали из России?

– Меньше года.

Наступило молчание; дрова, горя, потрескивали; рядом на стойке крепились принадлежности для обслуживания камина: фигурная кочерга, щипцы, лопатка, щетка. По верху камина в ряд выстроилась старинная домашняя утварь: медный тазик с ковшом, кастрюлька и статуэтка. Потолок поддерживали темно-коричневые деревянные балки, идущие поперек комнаты, и брусчатые укосины от них упирались в белую стену, на которой ниже в виде украшения были развешены фарфоровые тарелки с рисунками из прошлых веков.

Осмотрев все вокруг, Саша обратил внимание и на Ксению. Она сидела в трех метрах, пила вино и курила тонкую длинную сигарету, а ножку держала на колене и как-то нервно ей повиликала. Вдали у дивана включен торшер, от огня камина тоже отсвечивало, в комнате был полумрак. На вид Ксении не было и тридцати, с небольшой долей лести можно было дать и двадцать. Сашу разобрало, и он начал терять контроль над своими мыслями в смысле нравственных устоев по отношению к так мило приютившей его женщине.

Широкая кровать, атласное покрывало, приоткрытое окно, за которым об листья дуба шуршит дождичек и заполняет свежестью всю комнату. Саша с долгой дороги устал и лежит на спине, раскинув ноги, Ксения рядом – они сумели найти общий язык...

Спускаясь со второго этажа в хозяйском халате, надетом на голое тело, Саша периодически спотыкался в болтающихся комнатных шлепанцах, больше на два размера его ноги. На столе он нашел бутылку виски, налил в квадратный стакан и подошел к большому окну с деревянной рамой из крупной решетки. Вдали через туман лучами пробивался лунный свет. Вдруг он заметил рядом с домом идущего человека. «Что это за призрак, мне не кажется?..» Мужчина в куртке с накинутым капюшоном, уходя, обернулся на окно, он был в очках. «Где-то я уже видел эту рожу. Может, у них так принято – шататься возле чужих домов? Но этого не может быть, наоборот, здешние законы должны запрещать без разрешения шататься по чужой собственности. Что-то тут не так...»

Ксению рассказ Саши о ночном страннике тоже насторожил, она даже не хотела в это поверить:

– Кому здесь ходить? Ближайшая ферма в миле. Может, у кого-то ушли овцы?

На этом они решили забыть о страннике, было им и без него чем заняться...

– Англия и Йорк! – кричал человек, одетый в рыцарские латы и в белый плащ с крестом посередине спины. Он стоял в стременах на коне в полный рост и поднимал вверх меч. Александр призывал рыцарей следовать за ним...

Новых впечатлений за день было много, поэтому картинки сна менялись быстро, и все о старой Англии, это и понятно. Прозвучала труба, лай собак увеличивался.

– Не уйдешь, хитрый лис! – пробормотал старый герцог, скривив в злой гримасе лицо, прищипывая ногами и хлыща плеткой по бокам коня.

Злость старого герцога насторожила юного барона Александра, словно он и был хитрым лисом и это касалось его лично... Придержав узду своего коня, чтобы отстать от общей кучи охотников, юный барон свернул в кусты и спрыгнул на землю. Рядом он заметил выбившегося из сил загнанного лиса, тот, поджимая хвост, пытался спрятаться дальше в кустах, слезливыми глазами он смотрел в глаза своего преследователя. Пристыженный лисом, юный барон решается оставить охоту и на коне быстро мчится в замок.

Барон Александр с герцогиней Ксенией, обнявшись, перекатываются по медвежьей шкуре, расстеленной на полу, в сторону камина. Пышущий жар от огня и внутренней страсти обжигает их. Старый герцог возвращается уставший с лисьей охоты и отказывается верить своим глазам.

«Что еще за бред? Это уж слишком даже для сна», – никак не мог понять Саша, когда, лежа поперек кровати на приятной к ощущению голого тела шелковой простыне, он отчетливо увидел занесенное над ним копьё в руках разъяренного герцога. Саша резко повернулся в сторону, длинная кочерга, на конце которой копьё и багор, обрушилась рядом с ним на то самое место, где он только что почивал, видя сладострастные сны, даже слюна еще не высохла на его подбородке.

– Я не барон! – успел только произнести Саша, прежде чем ему снова пришлось отпрыгивать в сторону, уходя от удара металлической кочергой. – Я Кошкин! Я в наше время живу, – бормотал он хриплым голосом, больше убеждая самого себя, так как трудно ему было поверить в происходящее с ним наяву.

– Убью, ублюдок! – кричал разъяренный Денис Максимович, вытаращив злые глаза, в которых сомнения, что он это сделает, было мало, больше уверенности.

Саша двигался ближе к окну, но оно было уже закрыто, выбить с первого раза раму нереально, а копьё приближающегося герцога может настичь. На полу валялись трусы юного барона. Он быстро нагнулся, схватил их и прижался к стене, на которой висела гравюра под стеклом с изображением какого-то певца с гитарой и в шляпе с большими полями, стоявшего под окном возлюбленной. Саша принял единственно правильное в этой ситуации решение: он агрессивно прыгнул на кровать, навстречу герцогу, тот замешкался, а он с кровати в длинном прыжке сиганул в открытую дверь спальни, удар кочерги пришелся по косяку. Почти скользя, опираясь на перила, он пролетел по лестнице со второго этажа. Внизу у стола сидела заплаканная герцогиня Ксения и с испугом смотрела на него. Дверь на улицу была распахнута настежь. Саша оглядел комнату в поисках своей одежды, но вспомнил, что она в сушилке, а с лестницы неся взъерошенный герцог Денис Максимович и кричал:

– Убью, грязный ублюдок!

Размышлять было некогда, и Саша рванул в открытую дверь на улицу. Прыгая на одной ноге по шлаковой дорожке, он надевал трусы, мелкие камушки впивались как пиявки в его босую ногу. Вспомнились новые ботинки «инспектор», но они остались у герцога в доме; он свернул на мокрую траву и испытал совсем другое ощущение. После всего пережитого за минуту этого дня свежий воздух, яркое утреннее солнце, большое пространство с голубым небом, отсутствие опасности – все это казалось ему уже нереальным чудом лучшего из миров...

Тут Саше пришлось задать себе ставший уже традиционным вопрос: «Что делать?..» Возвращаться в дом было опасно, идти в чужой стране без документов и незнания языка в одних трусах – тоже далеко не уйдешь. Он шел по лугу, на котором паслись овцы, на шерсти каждой была красной краской нанесена маленькая метка, напоминающая звездочку. Одна овечка протянула ему свою мордочку.

– Одолжи на денек «золотое руно» поносить, – пошутил с ней Саша, давая понюхать свою ладонь.

Он перелез через забор из жердей и оказался на узкой асфальтовой дороге: встречные машины на ней разъедутся, но им придется притормозить и, может даже, одним колесом примять на обочине травку. Озноб бил его тело. Тут вспомнился ему знаменитый наш фильм, и он, делая зарядку с приседанием, стал напевать:

– Надо меньше пить! Надо меньше пить!

Из-за поворота показалась легковая машина.

– Хэлло! – обрадованно закричал Саша, махая рукой.

«Фольксваген-Жук» последней модели остановился, в нем сидела дама.

«Этого еще не хватает», – чувство неловкости охватило его, и он забыл все, что удалось ему выучить из английского в самолете, поэтому и перешел на все европейские языки:

– Сеньора, пардон за мой вид.

Дама, чуть приоткрыв стекло, осмотрела молодого мужчину в белых трусах и на хорошем английском что-то спросила. Саше показалась, что она поинтересовалась, итальянец он или француз, видимо, ее это заинтересовало для общего кругозора. Ему не хотелось разочаровывать даму, что он не принадлежит к их общему союзу, и на немецком языке подтвердил ее догадку:

– Я, я! – для пушей убедительности он кивал еще головой.

Дама тоже покачала головой, только в разные стороны и, помахав ему ручкой, сказала:

– Бай, бай.

– Спасибо, я уже выспался, – успел поблагодарить ее Саша, но понял, что говорит не в тему и, махая рукой вслед уезжающей машине, крикнул:

– Чао, сеньорита!

Делать нечего, нужно было куда-то идти, и он пошел. Солнце поднималось все выше, Саша стал ощущать его благостное тепло на своем замерзшем теле. Дорожка извивалась, из-за холмика стали выступать две башни сельскохозяйственного назначения. Подойдя ближе, он увидел двухэтажный жилой дом, окруженный дворовыми постройками, и вся эта ферма была обнесена забором из ровных, гладких жердей. Навстречу ему по дороге двигалось стадо овец, гонимое собакой-пастухом, а чуть поодаль медленно ехал легковой грузовичок. Путник, уступая дорогу плотно идущему стаду, взобрался на жерди забора и уселся перед распахнутыми воротами. Овцы, возвращаясь с пастбища, по привычке входили в ворота своей фермы, но тут первые ряды вдруг встали, словно что-то насторожило их. Задрав головы, они смотрели на обнаженного человека, сидящего на ограждении. Верный пастуший пес, рыча, начал безжалостно хватать за курдюки последних овец, те вставали на задние ноги и толкали идущих впереди. Путник, с благими намерениями желая вмешаться в пастуший процесс, приподнялся, стоя на средней жердине забора, и, размахивая руками, указывал овцам направление пути, при этом громко кричал:

– Чего, бараны, встали как перед новыми воротами? Давайте валите, валите домой!

После непонятных слов странного человека, к тому же размахивающего руками, и толкаемые последним рядом под напором зубастого пса, овцы рванули в разные стороны: одни, спотыкаясь, пробирались между жердями, другие перепрыгивали через самый верх рядом с Сашей, а некоторые срывались обратно. Разъяренный пес, прыгая через спины овец, наконец-то добрался и до виновника беспорядка. Но не тут-то было – Сашу не так просто взять: в длинном прыжке он быстро оказался среди белых меринсов, сливаясь с ними в цветовой гамме; они пустились по зеленому лугу в бега. Он старался держаться в куче стада, надеясь, что так его будет труднее достать, но один раз псу все-таки удалось укусить виновника, прежде чем хозяин подал команду не трогать. Хромая от укуса собаки, он подошел к фермеру, тот сыпал на него какими-то бранными английскими словами, видимо на местном диалекте, так как Саша не понимал его совсем.

– Сэр, сори, ай ду нот спик инглиш, – как ни странно, но Саша вспомнил некоторые слова извинения, и что он не говорит по-английски, и откуда он приехал, – ай эм фром Москоу.

Удивленный фермер изменился в лице, для Саши оно стало выражать надежду. Фермер подал команду псу и странному пришельцу, в каком направлении нужно загонять стадо. Когда Саше совместно с недавним соперником, псом, наконец-то удалось загнать в нужное стойло овец, хозяин фермы выдал ему старые рваные джинсы и майку, вручил лопату и отправил работать дальше. Вечером Сашу даже покормили, хозяйка подала: свернувшийся на тарелке как лист бумаги тонкий кусочек бекона с мясной прожилкой, поджаренный с одним яйцом, три оранжевых кусочка сыра, стакан молока из пакета с хлебом и джемом. На следующий день

нового работника подняли рано, его завтрак состоял из хлопьев и молока, хлеба, поджаренного в тостере, помазанного джемом, чашечки кофе, по желанию с молоком, и вперед на ферму – трудиться. В обед (или у них это второй завтрак) дали то ли суп, то ли пюре с намеком на присутствие в нем протертого куриного мяса. Все бы ничего, можно и за такую еду на ферме поработать человеку в чужой стране без одежды и документов, но необходимо делать свое дело, по которому прибыл в командировку. Стал Саша объяснять на пальцах хозяину фермы, с какой стороны он пришел и там, в доме, остались его документы. То ли хозяин не понимал Сашу, то ли не хотел с новым работником расставаться – что-то невнятное мычал в ответ, но потом собрался и уехал. Ближе к вечеру фермер вернулся без документов, но весело улыбался и говорил:

– Окей! – при этом показывал пальцем, что хорошо.

«Что хорошо? – никак не мог понять его Саша. – То ли Ксения ему понравилась и он одобряет его выбор, несмотря на риск? Но если нет документов, что же тут может быть хорошего?»

А фермер, скаля зубы, похлопывал его по плечу и показывал рукой, чтобы он продолжал начатую утром работу. Позже на ферму приехала сама Ксения и привезла заветные документы с одеждой. Мало того, она забрала Сашу, увезла в ближайший городок и там поселила в отель.

Поздно вечером Саша сидел в баре у стойки на высоком деревянном стуле, пил пиво и смотрел телевизор, где показывали футбол между английским и шотландским клубами. Это было что-то нечто, на грани одного из самых удачных дней в его жизни, разумеется, на фоне случившихся днем ранее с ним событий. А что, документы в кармане, номер в отеле есть, с Британией познакомился – все как положено. В зале бара посетителей было мало. Ближе к стойке в углу за столиком сидели три женщины, они пили пиво и громко разговаривали между собой. После выпитой второй кружки футбол Сашу стал интересовать меньше и он оценивающе окинул взглядом шумно сидящую женскую компанию. Он пришел к выводу, что дамы ближе к тому возрасту, когда обычно начинают уже нянчить внуков или путешествовать по миру за счет социально-накопительных фондов – это, как говорится, кому чего хочется и у кого какие возможности. Но вот что интересно: одна из них, та, что рыжая и высокая, с длинным носом, показалась ему совсем даже ничего собой. Так бывает, именно она первой и выяснила у бармена, что молодой человек, сидящий у стойки, приехал из самой России. В своей английской глубинке ей никогда не доводилось встречать так близко людей, живущих в краю вечно густых лесов, где по улицам таких же маленьких городков, как этот, ее любимый, запросто могут шастать медведи. Может быть, поэтому она стала приставать к молодому человеку – в смысле личного знакомства и дружбы между двумя странами: сжимая в своих ладонях Сашину руку, она поцеловала его в щеку, а иначе как показать иностранцу свои добрые намерения к нему, если не понимаешь друг друга языка. Несмотря на воспитанность Саши, знания определенного этикета, на нежности новой знакомой он реагировал сдержанно, даже несколько высокомерно, но потом женщина заказала на двоих виски, тут ему стало как-то повеселее и он расслабился...

Сны в эту ночь были менее радужные, но интересные: морячок в белой бескозырке без ленточек, а с помпоном на макушке, вернувшись из морского плавания на парусной шхуне, загудел в таверне с рыжей дамой. Но на утро опять все повторилось, как и водится в дурном сне: какой-то старый боцман – взъерошенный, с красным носом, косынкой на шее и финкой в зубах – возмущенно орал на молодого морячка...

– Кого прислал ко мне этот Аркадич?! За что я плачу ему деньги?! Чтобы его прощельга за границей спал с женщинами за мой счет! – возмущался Денис Максимович в номере, стоя над кроватью, где Саша изволил спать со своей новой знакомой из бара.

Снова началась Сашина беготня в нижнем белье по номеру и даже с выходом в коридор, что привлекло немалый интерес постояльцев соседних номеров и одной служащей отеля.

Денис Максимович все-таки сумел взять себя в руки и успокоиться. Нужно было и дела решать, по которым, собственно говоря, и приехал гонец из Москвы от адвоката, не отсылать же его обратно пустым, терять время на исполнение задуманных планов. Одно только не давало покоя Денису Максимовичу:

– Я обязательно перепишу завещание! Твоя подружка Ксюшка от меня ничего больше не получит, так и знайте! Ты наверняка был ее любовником еще в Москве! Говори, она меня водит за нос?

– Ну что вы, Денис Максимович, какая она моя подружка! – пытался как-то оправдаться сам и выгородить женщину Саша. – Я первый раз за границей, с дороги устал, выпил чуть лишнего и свалился не в ту постель спать, Ксении со мной не было, вот и вся история.

– Ага, давайте рассказывайте мне байки, а то я не вижу вашу породу! Буду звонить в Москву Аркадичу и все расскажу, чтобы по приезду он тебя сразу же выгнал! А сейчас уберись с глаз моих долой на пару часов, пока я над бумагами буду думать, чтобы не раздражал ты меня!

– Окей! – обрадовался Саша, оделся и ушел.

Конечно, очень некрасивая получилась история в командировке. В Москве тоже будут ждать неприятности, вероятнее всего, Игорь Аркадьевич уволит с работы. Больше всего неудобно будет перед родителями и тетей Машей, которая с большим трудом и по великому благу, через своих близких друзей, устраивала своего любимого племянника сразу после университета в частную юридическую контору к солидному и опытному адвокату помощником.

Чистые улочки маленького старого английского городка изумляли Сашу красотой готической архитектуры. В них словно застыло время двухсотлетней или даже трехсотлетней давности. Вот белый домик, обитый через метр в разные стороны темными дощечками в виде удерживающего каркаса, с заостренной черепичной крышей, с аккуратными чердачными окошечками. А вот над дверью висит медный сапог – здесь обувной магазин, а вот пивная кружка – здесь бар. Проверил карманы – денег не было даже на пиво. Билет уже куплен, завтра вылетать, дела сейчас сделаются...

* * *

– Мисс, дорогая девушка, переведите вы этому господину, или как его там назвать, сэру полицейскому, мои слова, – объяснял через переводчицу задержанный Александр Кошкин уже офицеру из Скотланд-Ярда, до этого он несколько раз объяснял то же самое другим полицейским в ближайшем к отелю участке. – Но почему сэр меня не понимает? Я же говорю ему русским языком, ах да, его-то он как раз и не понимает... Что тут скажешь, пусть учит русский язык, раз ему доверяют работать с иностранцами из России. Я сейчас все повторю, вы только переведите правильно. Ссора с мистером Кондратьевым, о которой заявляет какая-то там служащая отеля, пусть будет портье, это не имеет особого значения, главное в том, что ссора произошла у нас утром и вовсе не по моей вине, а из-за очень вспыльчивого характера самого клиента. Да, правильно. Убийство произошло в моем номере, я этого и не отрицаю, но произошло-то оно днем, в тот самый момент, когда я отсутствовал по просьбе самого погибшего Дениса Максимовича.

– Когда вы обнаружили труп? – перевела вопрос офицера девушка-переводчица.

– Как вернулся в номер, так и обнаружил мертвое тело клиента. Сэр, я же вам объясняю, что клиентом я называю погибшего потому, что он являлся клиентом нашего агентства, а не потому, что я специально приехал из России его убивать. Больше того скажу вам: я знаю, по какой причине мистер Кондратьев вынужден был проживать за границей. У него на родине были какие-то проблемы с законом, и он вынужден был фактически скрываться здесь у вас. Что? Зачем я вам это говорю? Сэр, но поверьте мне, я тоже юрист, и, на мой взгляд, это подтверждает, что у мистера Кондратьева могли быть серьезные недоброжелатели в России, пони-

маете? Но, уважаемая девушка, переводите вы ему правильно, я не юрист-киллер, а просто юридический агент определенной конторы. Какого еще КГБ в наше время?! – уже кричал расстроенный Саша, что его неправильно понял офицер Скотланд-Ярда насчет агента.

Он досадовал и на переводчицу, хотя, когда он ее только увидел, она понравилась ему. Коротко стриженная симпатичная девушка в темно-синеньком костюмчике. Саша даже пытался с ней немного заигрывать, разумеется, в рамках английского приличия, как посчитал он сам, и, естественно, с учетом окружающих стен полицейского управления. Представьте, как в таком варианте можно заигрывать с девушкой, только остается мило улыбаться, вот и все. Теперь же Саша не мог ее терпеть. Конечно, симпатичность девушки никуда не делась, но вот ее плохое знание русского языка просто раздражало его. Хотя, с другой стороны посмотреть, откуда им здесь, в глубинке средней Англии, набраться хороших переводчиков? Когда девушка-переводчица только пришла, она, естественно, представилась по имени, но правильно произнести услышанное один раз английское имя Саша не мог: то ли она сказала Кити, то ли Кэти, а коверкать имя он не хотел, чтобы не обидеть ее.

Должен же быть хотя бы один союзник, а то все окружающие смотрят на него глазами презрения.

– Товарищ переводчица, скажите господину офицеру, что я хочу повторить все обстоятельства дела, тем более я вспомнил еще один, на мой взгляд, очень существенный момент, – обращался Саша уже в расстроенных чувствах. – Особенно подчеркните, что я к таким структурам, как КГБ, не имею никакого отношения.

Девушка перевела офицеру просьбу задержанного, тот с неудовольствием на лице что-то промолвил, но все-таки согласился выслушать его еще раз.

– Господин офицер понял ваши слова «агент конторы» как простое выражение, в обиходе указывающее на ваше сотрудничество с бывшей русской разведкой, – сказала переводчица.

– Но почему?! – возмущенно спросил Саша.

– Господину офицеру приходилось читать книги о русских спецслужбах, и он там встречал такое выражение, когда сотрудники называют свое бывшее учреждение «контора».

– Теперь понятна его логика, – ответил Саша, – читаются всяких шпионских книжек, а потом осудят приезжего человека ни за что. Так вот, когда я подошел к номеру, то обратил внимание на такой факт, как чуть приоткрытая дверь. Я еще подумал, неужели когда уходил, то не закрыл ее или Денис Максимович куда-то вышел. А когда открыл дверь, то увидел на полу лежащего Дениса Максимовича, одна нога его была занесена на упавший стул. А около головы растекалась лужа крови. Сначала я подумал, что у него случился приступ и когда он падал, то разбил себе голову. Поэтому я сразу бросился к нему, стал тормошить, стучать по щекам, отсюда и оставил много своих отпечатков пальцев на его теле.

Офицер стал говорить, девушка переводила:

– Вы минутой назад утверждали, что являетесь опытным юристом, а сами не обратили внимания на такую деталь, как то, что пол в номере отеля покрыт паласом с достаточно толстым ворсом. Смог бы человек, падая с высоты всего лишь стула, так сильно разбить себе голову? В этом случае вы должны были понять это, и трогать своими руками упавшего окровавленного человека вам было нельзя, тем более если у вас с ним некоторое время назад случился конфликт, о котором слышали свидетели. Вы должны были сразу пригласить служащих отеля.

Саша думал, что офицер понимает не все сказанное им по смыслу правильно, а оказывается, у него в голове четко отложилось, что подозреваемый юрист и агент какой-то конторы. Говорить в свое оправдание еще что-то Саше пока было нечего, от неизвестности за свое будущее его сковал легкий испуг. Тут, как назло, он вспомнил одну университетскую лекцию, в которой говорилось, что в Великобритании по аналогии могут рассматривать дела не только гражданского судопроизводства, но и уголовного тоже. Эта мысль запала ему и не давала покоя. Быть оставленным погостить в Англии на длительный срок по аналогии с каким ни то их дель-

цем – такая перспектива Сашу не радовала. Вскоре допрос закончился, и его отправили в местные казематы – хотя и более цивилизные, чем у нас, но тем не менее малоприятные.

Залог заплатить за Сашу было некому, так что после статуса временно задержанного он получил статус арестованного и отправился в камеру. Вызывали Сашу к следователю еще несколько раз, знакомили с появившимися в деле новыми бумагами: показания Ксении совпали с его объяснениями – это уже радовало. А вскоре появился и английский адвокат, да еще посетил его представитель нашего консульства, что совсем обнадежило добиться справедливости. И вот Саша Кошкин предстал перед людьми правосудия, которые оказались, к удивлению, на высоте и освободили его, даже с правом покинуть территорию Великобритании.

Ощущение счастья просто прожигало Сашу с головы до пят, когда он поднимался по трапу самолета родной авиакомпании и лицезрел знакомую ему блондинку стюардессу. В самолете он тихо напевал ту же песенку, но уже с именем блондинки:

– Стюардесса по имени Таня!..

А пил он на этот раз только минеральную воду, входящую в стоимость билета.

Глава 2

Саша сидел в приемной, Надя смотрела на него как-то странно, но в ее взгляде не чувствовалось осуждения. Ему показалось, если ей сказать, что того клиента в Англии ухлопал именно он, то и в этом случае их отношения могут измениться не настолько, чтобы они иногда не могли бывать вместе, как, впрочем, у них обычно и получалось. От праздника до торжества, то есть от застолья до застолья сотрудников агентства. Сейчас Саша был уверен, что когда выйдет обратно из кабинета Игоря Аркадьевича, то секретарю Надюше он скажет: «Все, прощай» – на этом и закончится их служебный роман. Он ни в коем разе не рассчитывал, что Надежда со слезами бросится за ним и будет настаивать на продолжении их дружбы не в стенах агентства, да и ему самому этого не нужно было: куда торопиться жениться, если нет настоящей любви.

Игорь Аркадьевич два года назад как отметил свой шестидесятилетний юбилей, но на пенсию уходить не торопился и продолжал заниматься частной адвокатской практикой. Он был небольшого роста, но с большим размером обуви, с плешинкой на голове, в очках, с бородавкой на щеке. За большим столом, вечно загруженным кодексами, журналами о судебной практике, лампой, компьютером, он казался еще меньше, но только до тех пор, пока не начинал говорить о законах, тогда-то он и возвышался над всеми присутствовавшими в его кабинете. Но сейчас, приспустив очки и потирая глаза, Игорь Аркадьевич сидел молча, он хотел просто заглянуть своему помощнику в глаза, так сказать живьем, увидеть в них правду. Саша их опустил, спрятал, стыдно ему стало перед старым заслуженным человеком и юристом. Не дождавшись прямоты взгляда, Игорь Аркадьевич вновь задвинул очки на глаза и, подняв высоко нос, смотрел уже поверху Сашинной головы, продолжая молчать. В кабинете воцарилась полная тишина, только за дверью можно было услышать тихое цоканье каблучков секретаря, ей было не совсем безразлично происходящее в кабинете.

– М-м-да, – с какой-то тяжестью произнес Игорь Аркадьевич. – Вы, Саша, хотя бы нужные нам документы сумели привезти?

– Привез, Игорь Аркадьевич, – оживленно ответил Саша. Он ни на что уже не надеялся, но так долго молчать тоже было нельзя.

– Давайте же их сюда, будем смотреть.

Саша отрыл свой портфель из мягкой натуральной кожи, подаренный ему теткой Машей, когда устраивала она его на работу в солидную контору (не могла же тетка допустить, чтобы ее любимый племянник, будучи уже настоящим юристом, ходил без солидного портфеля, как у всех адвокатов, – из кожи вылезь сама, а достань). Папочки с документами он протянул Игорю Аркадьевичу, а сам облокотился на спинку кресла.

Бегло ознакомившись с документами, Игорь Аркадьевич спросил:

– Будучи еще при жизни, не передавал ли вам чего на словах Денис Максимович?

Сашу этот вопрос застал врасплох, он показался ему с двойным подтекстом. Он задумался, но так ничего существенного и не смог вспомнить:

– Нет, Денис Максимович мне ничего не передавал.

– Вы с ним общались перед тем, как случилось это несчастье? – спросил Игорь Аркадьевич, смотря на Сашу поверх очков. В его взгляде чувствовалось какое-то недоверие или сомнение, но это было сомнение не опера из уголовного розыска, а старого адвоката, в нем не таилась опасность разоблачения, а больше желания помочь.

– Да, общались.

– Саша, – тихо, обеспокоенным голосом сказал Игорь Аркадьевич, – звонил из прокуратуры следователь Бобров, он просил для вас передать, как появитесь, сразу же зайдите к нему на беседу, вот номера его городского и внутреннего телефонов, обычно с утра он бывает на месте.

Эта новость несколько расстроила Сашу. Выходя из кабинета, он так и не понял, уволен с работы или нет, но осадок в том, что Игорь Аркадьевич его тоже в чем-то подозревает, у него остался.

Надежда сидела за своим столом и смотрела в компьютер, стучая по костяшкам клавиатуры, делая вид, что занята. Но, не дождавшись Сашиного рассказа по его собственной инициативе, она спросила сама:

– Ну?

– Что «ну»? – почти дерзко сказал Саша.

– Остаешься работать у нас или нет?

– Тебя что, молодые специалисты волнуют, будущая надежда вашего агентства, да?!

– Я понимаю тебя, Александр, ты многое пережил, но это не повод, чтобы мне дерзить. Он, выходя, хлопнул дверью.

* * *

С проходной прокуратуры Саша по внутреннему телефону позвонил следователю и сразу попал на него.

– Старший следователь по особо важным делам Бобров Николай Андреевич, – представился хозяин мрачного кабинета.

На внешность следователь выглядел не злым, больше казался простодушным, нежели хитрым.

– Александр Васильевич Кошкин, – представился посетитель.

– Александр Васильевич, как съездили в зарубежную командировку? – спросил без тени намека на юмор Бобров. – Можно мне вас по имени называть?

– Называйте, – разрешил следователю Саша. – Правда, я по отчеству и не привык, чтобы меня называли. Съездил, да не очень удачно, – ответил он, почесывая затылок.

– Что такое? Или Лондон не понравился?

Когда следователь начал говорить, он уже сразу показался Саше более хитроватым, чем простоватым: «Ишь, заходит издалека. Вроде бы просто так пригласил меня по душам поговорить. Знаем мы вас, все вы сначала мягко стелете, да потом жестко будет на нарах спать».

– Да нет, Лондон как раз и понравился. – Не знал Саша, как объяснить следователю те обстоятельства, которые произошли с ним в заграничной командировке, а тем более не знал, насколько в них осведомлен сам следователь. А болтать все первому – можно и наговорить на себя чего лишнего, это он уже хорошо понял за время пребывания на допросах в Скотланд-Ярде и в английском суде.

– Англичанки понравились? Или вы там больше с нашими соотечественницами общались?

«Следователю хочется еще шутить. Сказать ему, что общался там только с нашими? Но вдруг он знает про ту подругу в баре отеля и случившемся утром шуме, будет думать, что я чего-то скрываю».

– Понравились и англичанки, – ответил Саша, опуская низко голову.

Дальше разговор пошел, если сказать со стороны следователя, больше профессиональный, а со стороны Саши – «опять двадцать пять»: все вопросы были во многом похожи на те, что задавали ему уже в Скотланд-Ярде.

– С кем вы, Александр, встречались в Англии?

– С Денисом Максимовичем.

– Встречались у себя в гостиничном номере? В том самом, где и был убит гражданин России Кондратьев, так?

– Да.

- В чем выразался ваш с ним конфликт? Суть его, какая причина?
- Э-э, вспыльчивость и неуравновешенность характера Дениса Максимовича.
- И только? Александр, получается, что погибший без всяких оснований взрывался и кричал на вас?
- Получается так.
- Допустим. Какими были ваши ответные действия на его беспричинную вспыльчивость?
- Я ушел гулять в город.
- Так. – Бобров долгое время моча смотрел на Сашу. – Кто из служащих отеля видел, как вы днем выходили на улицу?
- Ключи я не сдавал, так как в номере оставался Денис Максимович работать над бумагами. Отель недорогой, на дверях швейцара не было.
- Кто-то сможет подтвердить вашу версию, что вы покинули номер и отсутствовали в нем длительное время?
- Примерно два с половиной часа.
- В городе вы с кем-то встречались, общались в магазинах, в барах?
- Нет, у меня не было уже денег, чтобы по барам ходить.
- Значит, никто не сможет подтвердить вашего отсутствия все два с половиной часа?
- Не сможет. Но никто не может и утверждать, что я возвращался в отель раньше, а потом вновь уходил, – сердито и утвердительно сказал Александр Кошкин.
- Да, сложная ситуация. Кричал на вас Денис Максимович без всяких на то причин. Когда вы уходили, никто этого не видел, а когда вернулись, то в номере обнаружили труп. Вы знакомы с содержанием тех документов, которые привозили?
- Большую часть документов, которую вез туда на подпись клиенту, видел, это входило в круг моих обязанностей. Если у него возникли бы какие-то вопросы, я должен ему объяснить. А те документы, которые должен был передать мне Денис Максимович, я не смотрел, мне их вернули в полиции перед самым освобождением.
- Их беседа продолжалась еще долго, в целом старший следователь Бобров понравился Саше куда больше, нежели те зарубежные. Понимали они друг друга гораздо лучше, может, это было связано с тем, что говорили без переводчика на родном языке. По крайней мере, следователь нашей прокуратуры не задавал таких глупых вопросов, как там. Вот, например, такой как вам понравится:
 - «Являетесь ли вы, господин Кошкин, членом международного преступного сообщества?», то есть, по-ихнему, мафии. А тот, про агента КГБ, помните? Ну что с них взять, они все прошлым двадцатым веком мыслят насчет нашей страны. Старший следователь прокуратуры Бобров не взял с Кошкина даже подписку о невыезде, просто предупредил: «Александр, если вы в ближайшее время будете уезжать из Москвы, то, пожалуйста, позвоните мне и сообщите, куда едете и на какое время» – вот и все ограничения.

* * *

По приглашению Игоря Аркадьевича, Саша с папочкой в руках направлялся в его кабинет. В приемной Надежда полусшепотом заговорщицки сообщила:

- Там у него первая жена с сыном, того самого.
- Кого «того самого»? – не понял ее Саша.
- Этого, к которому ты ездил в Англию.
- Понял, – ответил Саша и открыл дверь в кабинет.
- Познакомьтесь, это мой ассистент Александр Васильевич, а это Руфина Константиновна и Максим Денисович Кондратьевы, – представил Игорь Аркадьевич. – Дорогие друзья,

юридическая казуистика требует от нас выждать некоторое время, чтобы выяснить круг всех возможных лиц, потенциально могущих претендовать на роль наследников.

Руфина Константиновна хотя и являлась бывшей женой Кондратьева, но, как и полагается, была одета во все черное, в том числе и шляпку. Независимо от траурного костюма, она выглядела элегантно, ей было где-то около пятидесяти лет. По всему видно, что она не убивается и спокойно может решать вопросы, особенно финансового характера:

– Мои дети рождены в браке, поэтому они являются законными наследниками всего имущества и акций, принадлежавших Денису Максимовичу.

У Игоря Аркадьевича была такая манера: когда он не мог или не хотел говорить клиенту всей правды, которую сам знал или пока не знал полностью, то он прибегал к путанным ответам или завертывал из юридической науки что-то эдакое:

– Даже древнейшие законы Вавилона подобные казусы жизни регулировали. Если у рабыни от хозяина рождался сын и при жизни хозяин называл его «мой сын», то после смерти хозяина сын рабыни тоже имел право на часть наследства отца, а сама рабыня получала свободу; только сын, рожденный от законной жены, имел преимущественное право первым выбрать свою долю в наследстве. Но это так, небольшое отклонение в экскурс истории юриспруденции.

– Ребенок этой, как ее там, подружки, сумевшей охмурить слабохарактерного Дениса Максимовича, родился не от него. Они же не взяли ее ребенка жить за границу, – с умным видом осведомленного человека ответила на реплику умудренного адвоката Руфина Константиновна.

– Я вас понимаю, но перед отъездом за границу Денис Максимович успел расписаться в загсе с Ксенией Павловной, вот тут в чем весь вопрос. То завещание, которое Денис Максимович, уезжая, оставил мне на хранение, лежит в моем сейфе, но, живя за рубежом, он с учетом каких-то обстоятельств пожелал внести в него изменения. Мой агент Александр Васильевич выезжал в Англию и там встречался с Денисом Максимовичем и с Ксенией Павловной, они обсуждали много вопросов, в том числе и нюансы по новому завещанию.

– Это тот самый человек, который последним видел Дениса? – уточнила Руфина Константиновна, поднеся носовой платочек к глазам, но вытирать там было нечего, и она уголком чуть поправила густо накрашенную ресничку, при этом посмотрела на агента недобрым взглядом. Саше ничего не оставалось делать, как в знак согласия слов своего шефа покивать головой – да, мол, встречался со всеми перечисленными личностями и обсуждал...

Игорь Аркадьевич тоже одобрительно покивал головой в сторону помощника, видя его старания. Честно сказать, Саша до конца не понимал происходящего в разговоре, вернее, не понимал позиции шефа. Почему бы ему не показать им завещание, старое или новое; он подозревал, что шеф ведет какую-то свою игру во всем этом деле, но понять ее он пока не мог.

– На этой неделе должна прилететь в Россию Ксения Павловна, я должен с ней встретиться и выяснить некоторые тонкости, а потом и принять решение об оглашении условий по завещанию, – продолжал в своем стиле Игорь Аркадьевич.

Кондратьевы ушли, так и не получив четкой информации от адвоката, будут они единственными наследниками богатства, оставленного Денисом Максимовичем, или им придется делить его с кем-то еще. Но просто отступить или даже легко сдаться семья Кондратьевых, естественно, не могла. На другой день к Игорю Аркадьевичу совершили визит дочь погибшего Дениса Максимовича Маргарита Денисовна со своим мужем Ильей Юрьевичем. Тема была аналогичная, что они и только они являются законными наследниками и никто другой. Разговор был очень эмоциональный, на грани криков и требований. Зять позволил себе даже запугивать старого адвоката:

– Ты зря, дядечка, с нами пытаешься хитрить, нехорошо это! Мы ведь можем и по-другому с тобой поговорить! Смотри, найдешь на свою старую задницу приключений!

– Извольте выйти из моего кабинета вон! – громко сказал Игорь Аркадьевич.

– Извините вы его, он у нас такой нервный, – старалась замять трудный разговор Маргарита Денисовна.

В этот момент в кабинет вошел, тяжело дыша, Саша. Его приглашали давно, но он отсутствовал на своем рабочем месте, и Надежде пришлось кричать на улицу в форточку, где он разговаривал с приятелем. Он по лестнице вверх пронесся бегом, в приемной выдохнул, поправил одежду, получил от Надежды информацию, кто у шефа, и вошел.

Встретившийся мужчина чуть не сбил Сашу с ног – не извиняясь, он открыл резко дверь. А женщина шла к двери спиной и, разворачиваясь, наступила Саше каблучком на ботинок «инспектор».

– Ой, извините меня, молодой человек, – сказала Маргарита Денисовна, опираясь тонкой ручкой с длинным маникюром на Сашину грудь, заглядывая ему прямо в глаза и дыша на него всем своим ароматом. – О-о.

* * *

К назначенному времени, когда юридическое агентство должна посетить и молодая вдова Кондратьева, как ни странно, Игорь Аркадьевич в этот момент задерживался. Саша встретился с Ксенией в приемной, они поздоровались, и оба молча смотрели друг на друга. Надежда, как психоаналитик, изучала пульсирующие между ними импульсы и чем-то была обеспокоена. Но когда появился Игорь Аркадьевич, он пригласил пройти в кабинет только Ксению Павловну – на этот раз он решил обойтись без помощника, а может, он опасался предвзятого суждения своего помощника или, куда хуже, его прямой заинтересованности.

Ксения, выйдя из кабинета, остановилась возле стола секретаря. Теребя в руках узкую дамскую сумочку из черной лаковой кожи, гармонично сочетавшуюся с ее черными лаковыми туфлями, она по-доброму, мило улыбнувшись, спросила:

– Девушка, подскажите, пожалуйста, где я могу увидеть Александра Кошкина?

– В коридоре направо третья дверь, там его рабочее место, – без особых эмоций ответила Надежда и, проводив гостью взглядом до закрытия двери, недовольно хмыкнув, сказала: – Ха, тоже мне, иностранка нашлась из подворотни.

Кошкин сидел за компьютером и в экране монитора вчитывался в обновленную базу законодательства, что для юриста необходимо проделывать примерно раз в два месяца или даже чаще: наши законы имеют свойство изменяться, а со временем и вовсе могут приобрести противоположный смысл. Напротив него по углам было еще два стола, за ними с грустными лицами тоже трудились юристы, оба мужского пола и постарше Саши, поопытнее, но не так чтобы очень.

– Александр, вас можно на минуточку? – спросила Ксения, заглядывая в кабинет.

– Санек, тебя дама, – с завистью и удивлением сказал сидевший ближе к двери адвокат зачитавшемуся Кошкину.

– Ого, – сказал другой, поднимая голову от бумаг. Саша вышел в коридор.

– Мне нужно с тобой поговорить, ты не будешь возражать, если я приглашу тебя со мной поужинать? – сказала Ксения так запросто, как будто они давнишние друзья...

– Да, я согласен, – растерянно ответил Саша.

Ужин состоялся в приличном ресторане: столы под скатертью, много приборов, изысканная кухня, хорошая музыка, а настроения веселиться почему-то не было. Ксения пыталась завести разговор о завещании, Саша старался уходить от этой темы. В конце вечера Ксения пригласила Сашу к себе в гостиничный номер. Саша понимал, что «герцога» больше нет и на утро гоняться за ним никто уже не будет, но от этого желания идти в гости у него не появлялось:

– Ты знаешь, Ксюш, давай как ни то в следующий раз, а?

– Да не бери ты ничего в голову, не хочешь так не хочешь. Тогда хотя бы проводи даму. Саша поужинал за счет дамы, и не проводить ее – такого позволить себе он не мог, и согласился.

Весь следующий день у Саши не заладился с самого утра. Надежда еще с вечера просила его до работы заехать в магазин и купить для нужд офиса банку кофе, чая, лимон, копченой колбасы: все их прежние запасы иссякли. Он, погруженный в думы, да еще с похмелья, в толкучке метро забыл выполнить это поручение, хотя обещал, но пришел на работу пустой.

– Ой, Надюша, забыл. Виноват, прости.

– Ты меня подвел, – дерзко сказала Надежда.

– Ну не обижайся ты, я схожу в обеденный перерыв.

– Игорь Аркадьевич никуда не ходит обедать, я ему делаю бутерброды здесь, теперь мне придется идти самой. Я знаю, почему ты забыл! – отрывисто сказала Надежда и, выходя из комнаты, где работает Саша, громко закрыла дверь.

– Ой, – вздыхая, сказал Саша, опустив свою тяжелую голову на ладонь.

Товарищи по кабинету шутя подметили:

– Санек, а Надежда по тебе сохнет, – сказал сидевший ближе к двери.

– Зачем она ему теперь нужна, его вчера вон какая фифа спрашивала, у него после встречи с ней даже голова болит, – сказал сидевший у окна адвокат.

Ближе к обеду настроение у Саши поднялось, он немного разгулялся, и ему захотелось выпить кофейку. Он заглянул в приемную, а там уже исходил кофейный аромат и на тарелочке порезаны свежие бутерброды.

– Ой, Надюша, мне тут ничего не перепадет, а?

– Тебе нет, – твердо ответила Надежда, но, посмотрев в сторону просящего, немного поразмыслив, она решила сменить свой гнев на милость и важно скомандовала ему: – Открой мне дверь, несчастный!

– Сей момент! – обрадовался Саша, понимая, что он может уже надеяться на снисхождение строгого секретаря, или своей подруги – это кому как угодно понимать. Он несколько раз тихо стукнул в дверь кабинета, но разрешения войти так и не услышал. Видимо, шеф занят.

– Я уходила в магазин, он был один. Может, он вышел? Посмотри.

Саша выполнил просьбу, но на всякий случай сам встал так, чтобы прикрыть себя дверью: вдруг шеф в кабинете и увидит, кто без разрешения осмелился открыть его дверь. Секретарь сдвинулась с места с подносом и в дверях встала как вкопанная.

– Ты чего не заходишь? – тихо спросил Саша, не понимая застывшей позы секретаря, и сам выглянул из-за двери, вытягивая шею через плечо Надежды, уткнулся в кабинет. На несколько секунд онемение охватило и его самого.

Вершина головы Игоря Аркадьевича была окровавлена и лицом неестественным образом уткнута в стол. Сейф открыт, много листов документов хаотично разбросаны по полу.

– Ай! – закричала Надежда и бросила поднос, тарелка с бутербродами и чашка с кофе полетели в разные стороны. Зажав лицо руками, она чуть присела и, развернувшись, на полу-согнутых ногах выбежала из приемной. В коридоре послышался визг такой силы, что Саша вздрогнул. Вбежали сотрудники конторы, а он продолжал стоять, держа открытой дверь в кабинет, прикрывая себя, словно прячась за ней. Выйдя из оцепенения, Саша, как и многие другие сотрудники, прошел в кабинет и окинул его своим опытным взглядом. Ему хотелось первым обнаружить важные улики, способные уличить преступника. Ходил он по кабинету медленно, все рассматривал, выглядывал, что-то трогал руками, но тут его как обожгло, он резко отдернул руку от сейфа. Он вспомнил слова офицера из Скотланд-Ярда: «Если бы вы (то есть он, Кошкин) – были бы грамотным юристом, то не трогали бы своими руками труп убитого и окружающие его предметы». Больше того, Саша тут же понял, что он сам может попасть под очередное подозрение.

Приехала целая бригада следователей, оперативников, экспертов-криминалистов. Бросили на стол линейку, мелькала фотовспышка, начался опрос свидетелей. Разумеется, Саша оказался прав насчет своих предположений: именно в его адрес и посыпались до боли знакомые вопросы:

– Сколько раз до обеда вы выходили из своего кабинета?

Намек их ему был понятен, дальше вопросы становились все ближе к теме:

– С какой целью вы утром не купили продукты сами, хотя вас об этом просила секретарь?

А вот еще парочка:

– Кто из ваших сослуживцев может подтвердить, что в тот момент, когда секретарь уходила в магазин, вы не посещали кабинета своего руководителя? С кем накануне вы встречались в ресторане и о чем беседовали?

Нормально, да? Саше даже показалось, что следующий вопрос будет звучать именно так: «По каким мотивам вы убили?..» Но, к счастью, его пока не последовало.

Когда Саше пришлось беседовать уже со знакомым ему старшим следователем прокуратуры по особо важным делам Бобровым, то в ряду его вопросов (все больше о документах, которые могли находиться в сейфе) в речи следователя проскочила и такая мысль, что Молевский и Кондратьев были убиты одним способом. «С помощью удара тяжелым предметом по темечку, в тот момент, когда они сидели за столом, а преступник стоял рядом, поэтому, вероятнее всего, пострадавшие знали его в лицо».

«Вот как хочешь, так и понимай эту мысль опытного следователя», – думал Саша, выйдя из здания прокуратуры уже ближе к ночи.

Когда он спускался на эскалаторе в метро, его посетила ободряющая мысль: «А не рвануть ли завтра на дачу. Попросить у отца машину и поехать отдохнуть. На работе шефа больше нет, другим адвокатам помощник не нужен, сами справляются. Да и вообще не понятно, как агентство будет функционировать без шефа. Следователи вряд ли завтра хватятся меня искать».

Все как с вечера запланировал, так с утра у Саши и получилось. Отец разрешил взять «девятку» при условии, что в пятницу к вечеру он вернется в Москву и заберет их с матерью на дачу.

Саша заехал на работу узнать, что-то новенькое есть? Одет он был в джинсы и хлопковую в клетку рубашку. Секретарь Надежда была грустная, в одежде темных тонов, разговаривала с Сашей неохотно и с какой-то опаской.

– Ну что ты на меня смотришь как на врага народа! – в горячах, сказал Саша. – Не убивал я твоего Аркадича! Ты это от меня хочешь услышать?

– Какой ты, Саша, стал странный и нервный после этой командировки в Англию, – только и ответила Надежда.

– Здрости! Я ей про Марью, она мне про Дарью! Намек на Англию, что я и там был виноват! – сказал он в том же тоне и ушел, так ничего новенького и не узнал.

«Наконец-то выехал из Москвы, теперь поедem быстро, – подумал Саша, шпаря уже по Минскому шоссе. – Отдохнем на дачке два-три денечка, сосредоточимся на проблеме. А это еще что за дурак жметя? Эх, тормозит, кретин!..»

Саша повернул резко руль, чтобы уйти от столкновения с грубо подставленным задом «десятки», но его машину развернуло поперек дороги, перевернуло на крышу и снова на колеса, потом еще раз на бок и юзом по асфальту. Пока, не теряя сознания, Саша открыл глаза, в правую дверку, которая теперь была вверху, через разбитое стекло заглянул человек, дальше он помнил все смутно и местами.

В больнице первыми, кого увидел Саша, были его родители, мать и отец. Анна Владимировна сидела рядом с кроватью, ее заплаканные глаза встретились с его взглядом, и у обоих вспыхнула искра счастья. «Мама с папой рядом, значит, все самое страшное уже позади», –

подумал он, и ему захотелось снова спать. Следующий раз, когда он пришел в себя, то увидел рядом отца и тетю Машу. А на следующий день он обращал внимание уже на медсестер, приходивших в палату делать ему уколы. Он начал даже оценивать их отношение к себе: «Та, что была с утра и в обед, вколола укол больно и даже не посмотрела в глаза, а вот вечером пришла добрая, улыбалась, шутила, говорила: «На твоей свадьбе еще будем гулять», – на ней мне жениться, что ли?..»

Все шло на поправку, но тут, откуда ни возьмись, появился дознаватель из ГИБДД с вопросами по поводу дорожно-транспортного происшествия, выяснял версию событий по мнению пострадавшего, а Саша возьми да и забудь, что ему кто-то срезал. И все бы на этом, так нет, это оказалось только для затравки, разминка то есть, а после «гаишного» дознавателя пришел оперуполномоченный из уголовного розыска, и тут началось – «опять двадцать пять»:

– Ну что, Сашек, поправляешься? – словно близкий родственник, широко улыбался оперуполномоченный, видя «бодрствующего» больного. – Давай знакомиться, старший лейтенант Костин.

– Кошкин, – безрадостно ответил Саша.

– Знаем, знаем, что Кошкин, – как бы и не с больным вовсе разговаривал старший лейтенант Костин. – Признаваться надо во всем, Санек.

– В чем?

– Ну знаешь, гражданин Кошкин, ты мне это брось, я не таких ухарей ломал, как ты. Давай не будем здесь лапшу на уши вешать, хватит играть. Хочешь в этой палате до суда полежать, давай чистосердечное признание, а то сегодня же поедешь на тюремную больничку, там тебя кашкой манной медсестричка с ложечки кормить не будет – баланду хавать будешь! Понял меня?! Я тебя, злодея Кошкина, быстро на чистую воду выведу! Я тебе не добрый следователь Бобров из прокуратуры, по головке гладить не буду, ты у меня там все расскажешь, я тебе костыли-то быстро выпишу бесплатно, воробушкой прыгать по лесенкам тюремным будешь! Я тебя там быстро научу свободу любить!..

– В чем признаваться-то? – напуганно спрашивал Саша.

– Как шефа своего мочканул и того, за бугром! Но тот меня мало интересует, пускай тамошние бульдоги нюхают. Давай говори о Молевском, каким предметом ты его шарханул, куда потом бросил, мы уже все перерыли!

– Вы что, я никого не убивал!

– В Шерлока Холмса поиграть захотелось, факты обличающие тебе нужны, да?! Хорошо, получи. Почему ты на первых допросах ничего не сообщил следствию, то есть умышленно скрыл, что завещание, пропавшее из сейфа, находилось у тебя в портфеле? А?!

– Как у меня в портфеле?

– А так! Ну, ты брось, дурочку-то со мной ломать, факты, милок, для суда уже есть! Я помочь тебе хотел: молодой, запутался парнишка, но ты, оказывается, и фрукт, а еще юрист. Тебя же просил Бобров из города никуда не выезжать без разрешения, а ты вон рванул в сторону границы. Когти на Запад наострил, да?! Нам непонятно только одно, как ты хотел воспользоваться плодами завещания, вернее, и это уже выяснили, нужны только твои показания, кто тебе заказал завещание состряпать в пользу молодой жены Кондратьева, понятное дело, что она сама. Из-за чего же ты сбежал из дома Кондратьева! Из английской полиции нам весь материал прислали. Так что придется тебе, голубчик, теперь долго пыхтеть, елку валить.

– У меня заболела голова, я ничего не понимаю, – сказал Саша, схватившись за голову, и закрыл глаза.

– Ну-ну, не прикидывайся, давай колись, и я ухожу.

Оперуполномоченный уходить не торопился и настаивал на своем. Подошел лечащий врач и попросил на сегодня закончить допрос, он видел, что больному действительно плохо.

– Во-во, все либеральничаем с ними, а потом вы же на улицу и боитесь выйти, – недовольно бубнил Костин, застегивая папочку, собираясь уходить.

На следующий день после завтрака – манной каши с ложечки мамы – появился старший следователь прокуратуры Бобров. Он сильно не давил, а интересовался только одним вопросом:

– Как у тебя, Александр, оказались документы, пропавшие из сейфа убитого Молевского?

– Как они могли у меня оказаться?

– Да. Я об этом и спрашиваю.

– Это я вас спрашиваю, Николай Андреевич, откуда они у меня оказались?!

– Они были в портфеле, который находился с тобой в машине и был изъят инспектором ДПП, выезжавшим на место происшествия, и передан в уголовный розыск, потом к нам в прокуратуру. Раньше ты утверждал, что эти документы, видимо, были похищены из сейфа, а оказались они у тебя в портфеле.

– Я ничего не понимаю. В портфеле у меня была книга с журналом, полотенце и видеокассета, я ехал на дачу, – Сашу от злости и возмущения начинало внутри трясти.

Перед уходом Бобров попросил ознакомиться с протоколом допроса и еще с какой-то бумажкой и везде поставить свой автограф. Вторая бумажка оказалась мерой пресечения, примененной к Саше, в виде подписки о невыезде.

Пришла в палату с бутылочками для капельницы медсестричка, которая чаще всего улыбается Кошкину, от одного ее только вида – тем более если у нее была расстегнута нижняя пуговка халата – у Саши поднималось настроение, не говоря уж о пользе для здоровья ее лечения. Под капельницей он успокоился и задремал. Проснулся от какого-то шума, в палату рвалась молодая женщина:

– Говорю вам, на пять минут! – сказала женщина медсестре и закрыла перед ее носом дверь. – Александр, как вы себя чувствуете? Нас так это взволновало!

Лицо женщины казалось Саше уже знакомым, но сразу вспомнить, кто она, он затруднялся.

– Я Маргарита Денисовна! Мы приходили к Игорю Аркадьевичу с мужем, когда он был еще жив, – и она прослезилась.

– Да, я вспомнил вас, – вяло ответил Саша.

– Вы, Александр, меня можете называть просто Маргарет, – присаживаясь на табуретку, она одну руку заботливо положила на одеяло и тихо погладила. – Вся наша семья так переживает за вас. Многие думают, что эта дорожная авария простая случайность, но мы-то знаем, кто это все организовал. Думаю, и вы, Александр, тоже догадываетесь. С этой женщиной нужно быть очень осторожным, она способна на все.

Когда Маргарет ворвалась в палату, Саша сначала испугался ее, но теперь слушал с большим интересом, и что самое интригующее – она гладила его по одеялу, как убаюкивая маленького, специально или случайно, но уж очень близко около живота.

Он почувствовал, как к нему возвращаются прежние ощущения мужской силы, а с ними и надежда на будущую жизнь в любви с женщиной.

Маргарет была тонкая женщина – в смысле познаний мужской психологии и физиологии, она продолжала поглаживать больного и, глубоко вздыхая, сострадательно говорить:

– Ой, Александр, я буду ждать, когда вы выйдете из больницы, мы непременно должны с вами встретиться, нам есть что друг другу сказать, не правда ли?

– Да, – свободно согласился Саша, хотя сам не знал, что он должен ей будет сказать при следующей встрече, но ему с ней уже сейчас было хорошо, так как же он мог отказаться встретиться, когда будет совсем здоров.

За дверью палаты вновь послышался чей-то громкий возмущенный мужской голос. В палату вошел мужчина со строгим выражением лица.

– Я долго тебя буду ждать?! – спросил он.

– Ой, нетерпеливый какой, – сказала Маргарет и встала от больного. – Это мой муж.

Саша и так это понял, он его чуть с ног не сбил, когда так же шумел в кабинете у Игоря Аркадьевича.

– Выяснила про завещание?

– Илюша, мы не об этом говорили, – кокетливо ответила Маргарет.

– А о чем же вы говорили?! – спросил «Илюша».

– О здоровье Александра, – ответила Маргарет.

– Выйди-ка отсюда, – «Илюша» подвинул жену к двери, – я с ним сам по-мужицки потолкую.

Маргарет мимикой лица показывала свое недовольство и, выходя из палаты, сказала:

– Неотесанный мужлан.

– Кто в завещании указан владельцем акций банка, мы или та гулявка? – спросил «Илюша».

– Я не видел завещания, – ответил Саша.

– Чего ты не видел? Скажешь на следствии, настоящее завещание, которое при тебе в Англии писал сам Денис Максимович, похищено из сейфа. В настоящем завещании владельцами акций банка и всего имущества становятся сын Максим Денисович и дочь Маргарита Денисовна. За это ты от нас получишь большие деньги, хоть завтра могу принести тебе аванс. Хочешь в банке должность главного юриста получить? Готов это подтвердить в суде?

– Что?

– То! Что я тебе только что сказал!

– Не видел я такого завещания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.